Master Negative Storage Number

OCI00052.04

Nemirovich-Danchenko, Vasilii

Makhmudkiny dieti

Moskva

1893

Reel: 52 Title: 4

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.04

Control Number: AEM-3489
OCLC Number : 30640360
Call Number : W 381.5917N G195s no. 2
Author : Nemirovich-Danchenko, Vasilii Ivanovich, 1845-1936.
Title : Makhmudkiny dieti : razskaz / V.I. Nemirovich-Danchenko.
Imprint : Moskva : Tip. I.E. Ermakova, 1893.
Format : 36 p. ; 18 cm.
Note : "No. 28."
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CR

МАХМУДКИНЫ ДѢТИ.

МАХМУДКИНЫ

ДѢТИ.

РАЗСКАЗЪ

В. И. Немировичъ-Данченко.

№ 28.

МОСКВА.
Типографія. И. Е. Ермакова. Пятницкая ул., собст. домъ.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 марта 1894 г.

МАХМУДКИНЫ ДѢТИ.

ΜΑΧΜΑΥΚΝΗΡΙ ΑΡΓΝ

I. Махмудка.

Въ послѣднюю турецкую войну на канунѣ Новаго года, ночью, шла перестрѣлка между нашими и турками. Съ версту, позади цѣпи, въ турецкой деревнѣ, на крыльцѣ сидѣли два казачьи офицера.

— Что, Иванъ Ѳомичъ?.. Новогодняя ночь-то не особенно хороша? — сказалъ маленькій толстый полковникъ длинному маіору, у котораго рука висѣла на перевязи...

Они сидѣли на балконѣ турецкаго дома.

— Да!.. И изъ дому никакихъ писемъ.

— Меня это не особенно безпо-

коить. Знаю, что́ такое наша военная почта. А все-таки хорошо бы, ну хоть однимъ глазкомъ, взглянуть. Чортъ знаетъ! Рождество встрѣтили на Шипкѣ, Новый годъ — здѣсь. А тамъ-то теперь: огни горятъ, дѣти бѣгаютъ веселыя. Ваша Александра Петровна со своими у моихъ теперь. Говорятъ объ насъ. Тоже волнуются, отчего это писемъ нѣтъ. А какимъ тутъ письмамъ быть, когда мы, все это время, сломя голову, впередъ лѣземъ. Ну, что ваша рука?

— Можжитъ немного.

Ночь окутала дали. Мелькали только огоньки въ окнахъ селенія. Вотъ по улицѣ двигается красный огонь. Въ тускломъ пятнѣ его, прорѣзывающемся сквозь туманъ, краснѣетъ какое-то усатое лицо.

— Пантелеевъ!—крикнулъ полковникъ по направленію къ огню. —

Факелъ *) свернулъ во лѣсъ. Скоро передъ офицерами фыркалъ конь, поскребывая копытами облежавшійся снѣгъ. Казакъ, сидѣвшій въ сѣдлѣ, опустилъ факелъ внизъ, такъ что черные клубы дыма обвили его руку и медленно, тяжело стали подыматься вверхъ.

— Куда это ты?

— На ванпосту, ваше высокоблагородіе **).

— Зачѣмъ?

— Стрѣлять начали.

— Поѣзжай, скажи: если ничего важнаго нѣтъ, чтобы не отвѣчали туркамъ. Пострѣляютъ-пострѣляютъ да и угомонятся. А это еще кого Богъ дастъ?

---

*) Засмоленный пукъ соломы на концѣ палки. Зажженный служитъ для освѣщенія.

**) Аванпосты — передняя сторожевая линія войска.

Съ улицы во дворъ ввалилось нѣсколько солдатъ. Пантелеевъ поднялъ факелъ: солдаты окружали кого-то.

— Иди, иди, голодный! Изъ-за васъ, бритыхъ чертей, спокою нѣтъ! — слышалось между ними.

Очевидно, они еще не разглядѣли своего начальства.

— Ну, ну, а то вѣдь и прикладомъ подбодримъ!

Что это, ребята? — спросилъ полковникъ.

— Турку привели. На дорогѣ пымали, онъ отъ насъ подъ кустикъ хоронился.

— Какъ это подъ кустикъ?

— Сѣлъ на корточки да кустикомъ то и заслонился. Поручикъ Васильевъ приказали живымъ его взять и къ вашему высокоблагородію доставить. Махмудкой зовутъ его.

— Поѣдемъ-ка, Пантелеевъ!

Казакъ сунулъ факелъ въ толпу. Подъ краснымъ свѣтомъ его выдѣлилось горбоносное лицо съ щетинистыми сѣдыми усами. Черезъ лобъ краснѣлъ шрамъ не давнейраны; надъ лбомъ грязнымъ комомъ какимъ-то казалась, свернутая изъ обрывковъ палатки, чалма. На „Махмудкѣ" былъ плащъ изъ желтаго верблюжьяго сукна.

— Эге, да это офицеръ! — сказалъ полковникъ своему пріятелю.

Маіоръ пристально всматривался въ него.

— И знакомый еще. Развѣ вы не узнаете? И шрамъ этотъ, и на лѣвой рукѣ два пальца обрублены должны быть. Покажите-ка его лѣвую руку.

— Ближайшій солдатъ взялъ „Махмудку" за ррку и поднялъ ее.

— Онъ и есть. Мехмедъ-бей, полковникъ ихній.

— Жаль. Бѣжалъ изъ плѣна. Генералъ прикажетъ разстрѣлять его, пожалуй. Подъ какую руку попадешь къ нему! Жаль! Ну-ка, введите его, братцы, ко мнѣ. Одинъ кто-нибудь останься, а остальные двое маршъ назадъ.

Мехмедъ-бея ввели въ комнату. Солдатъ съ ружьемъ сталъ въ дверяхъ.

Турокъ оказался громаднаго роста, сутуловатый, широкоплечій. Ему было лѣтъ за пятьдесятъ. Грустные глаза глядѣли изъ-подъ сѣдыхъ топорщившихся бровей, сѣдые щетинистые усы шевелились, точно ему хотѣлось сказать что-то, да онъ удерживался. Ноги были завернуты въ опанки. Плащъ разорванъ, и въ одномъ мѣстѣ у плеча на немъ проступила кровь.

— Что это у него?

— Кириловъ за кустикомъ, ваше высокоблагородіе, штычкомъ его нащупалъ.

— Зачѣмъ же это?

— Потому русскимъ языкомъ ему кричали: выходи, бритая твоя голова, а онъ только, какъ кузнечикъ, ножками-то стрекочетъ. Ну, Кириловъ съ сердцовъ его легонько и ткнулъ. Тогда онъ, Мажмудка, изъ-за кустика вышелъ.

— Семенъ! подай стулъ ему.

Плѣнный, приложивъ руку къ сердцу, губамъ и головѣ, сѣлъ. Лицо его стало еще печальнѣе; очевидно, ничего хорошаго не ждалъ онъ отъ своихъ новыхъ повелителей... Горбатый большой носъ совсѣмъ повисъ теперь надъ щетинистыми усами. И голова какъ-то въ плечи ушла.

Подъ гнетомъ.

Иванъ Ѳомичъ очень долго служилъ на нашей кавказской границѣ. Тамъ онъ выучился съ грѣхомъ пополамъ говорить по-турецки, такъ что теперь вовсе не нужно ему было переводчика.

— Мы съ вами, кажется, уже знакомы?—обратился онъ по-турецки:—вы полковникъ Мехмедъ-бей?

Турокъ печально наклонилъ голову и весь точно осунулся сразу.

— Можетъ быть, это ошибка? обманываюсь? можетъ быть, вы другое лицо?—подсказывалъ онъ.

Я никогда не лгу!—сказалъ плѣнный:—вчера я бѣжалъ изъ Кавказика, сегодня ваши солдаты нашли меня. Пѣшкомъ уйдешь недалеко!—грустно усмѣхнулся онъ:—осо-

бенно, когда и голова и нога ранены!
А теперь вотъ еще плечо!

— Вы знаете, что по обычаямъ военнаго времени... — началъ было маіоръ...

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите это? Сила на вашей сторонѣ, вы побѣдили,—прикажите убить меня! Я зналъ, на что иду, когда вчера вечеромъ выскользнулъ изъ дому, офицера, который взялъ меня къ себѣ. Ну, что же,—я проигралъ игру. Я долженъ умереть.

Иванъ Ѳомичъ, тронутый тономъ плѣннаго, вдругъ заговорилъ съ нимъ мягко:

— Скажите, развѣ вамъ дурно было?

— Нѣтъ.

— Притѣсняли васъ?

— Офицеръ, у котораго меня помѣстили — великодушный человѣкъ.

Онъ заставилъ меня взять его постель, накормилъ, напоилъ. Онъ, какъ братъ, а не какъ врагъ, обошелся со мною.

— Боялись вы, что вамъ въ Россіи будетъ дурно?

— Нѣтъ. Я знаю, — русскіе хорошо обращаются съ своими плѣнными.

— Зачѣмъ же вы ушли?

— Какое вамъ дѣло? Теперь я въ вашихъ рукахъ, значитъ, дѣлайте, что хотите! Только поскорѣе. Поскорѣе — и что-то, какъ удержанное рыданіе, захрипѣло въ горлѣ стараго турка. Онъ опять наклонилъ голову низко, низко.

— Что васъ ждало впереди? Турки всюду отступаютъ, у васъ голодъ, народъ подымается съ мѣстъ и бѣжитъ. Не лучше ли было переждать

этой? Войнѣ скоро конецъ. Вы вернулись бы домой.

— Домой?.. а гдѣ мой домъ тогда будетъ?

— Какъ гдѣ?

— Семью мою какъ найти?.. Я знаю вѣдь! Изъ Стамбула приказъ есть — всѣмъ уходить въ Малую Азію. Мои уйдутъ тоже. Куда? какъ я отыщу ихъ? Эхъ! что говорить напрасно! Я сдѣлалъ то, что считалъ своею обязанностью. Отъ смерти не уйдешь. Что предопредѣлено, то случится. Каждый живетъ столько, сколько ему назначено. И не для себя я... Турокъ замолкъ и махнулъ рукой.

Вы сказали: семья... У меня тоже семья есть, — какъ-то раздумчиво проговорилъ Иванъ Семенъ.

— Счастливы вы, значитъ, что живы и увидите ее. Счастливы, что не попали въ плѣнъ.

— Вотъ, именно, ради семьи вашей я и спрашивалъ васъ... У васъ есть дѣти?

Турокъ еще ниже наклонилъ голову. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— У васъ много дѣтей? — повторилъ свой вопросъ Иванъ Ѳомичъ.

— Четверо, — тихо прошепталъ Мехмедъ-бей.

— Большія?

— Всѣ маленькія... Старшей шесть лѣтъ...

— У меня тоже мальчику — шесть, — словно про себя проговорилъ маіоръ.

— Я ее пять мѣсяцевъ не видѣлъ. Плакала, когда уѣзжалъ я. Самому маленькому — годъ. На рукахъ у матери оставилъ его. Они тамъ всѣ подъ Адріанополемъ живутъ. У меня хозяйство, виноградники... Тамъ хорошо... Что жъ, думалъ,

при мнѣ выростутъ, на моихъ глазахъ... А тутъ война эта. Проклятіе на тѣхъ, кто вызвалъ ее!.. Кому нужна была наша кровь, счастіе дѣтей нашихъ?

— Да! Кому война нужна! — согласился и Иванъ Ѳомичъ. — У меня вотъ всѣ и средства — одно жалованье. Убили бы, чѣмъ семьѣ жить?

Допросъ незамѣтно перешелъ въ разговоръ о семейныхъ дѣлахъ. Маіоръ переводилъ полковнику, тотъ тоже принялъ участіе въ плѣнномъ.

— Скажите ему, Иванъ Ѳомичъ, что если бы онъ любилъ дѣтей своихъ, такъ спокойно бы отправился въ Россію и, вернувшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воспиталъ ихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ — срокъ небольшой, дѣти бы ничего не потеряли отъ этого.

Мехмедъ-бей печально улыбнулся.

— Если бы наши жены и семьи знали, что такое русскіе, онѣ бы спокойно оставались на мѣстѣ и ждали насъ. Продолжали бы заниматься хозяйствомъ, растить дѣтей. А вѣдь еще нѣсколько дней, — и все турецкое броситься вонъ отсюда. Стоитъ только вашимъ отрядамъ дойти до Гедымъ Кіоя, и Адріанополь опустѣетъ. Останутся только христіане. Вы спрашивали у меня, — вдругъ горячо заговорилъ онъ, — зачѣмъ я ушелъ отъ того добраго офицера? Для семьи своей ушелъ. Чтобы спасти ее. Жену спасти, дѣтей сохранить. Вамъ хорошо говорить. А знаете ли, что будетъ съ ними теперь? Жена со страху броситъ домъ, хозяйство, сады!.. Ихъ захватитъ грекъ какой-нибудь или армянинъ. Сама она съ дѣтьми уйдетъ въ Стамбулъ.

Тамъ правительство помочь ей не можетъ: гдѣ взять денегъ? Сотня тысячъ семей разорены у насъ. Перевезутъ ее на азіатскій берегъ, въ Скутари и забудутъ тамъ. Что ей дѣлать? Останется одно: дѣти у меня здоровыя, красивыя — продастъ она ихъ въ чужіе гаремы *), и бѣдныя скоро забудутъ даже имя своего отца... Выростятъ ихъ — мальчиковъ, чтобы всю свою жизнь они оставались слугами, дѣвочекъ — на продажу какому-нибудь богатому старику въ Алеппо или Дамаскѣ. Жена — погорюетъ-погорюетъ, и сама въ чей-нибудь гаремъ уйдетъ... Вернусь я черезъ годъ, — что найду? Отъ

*) Гаремъ. Турки и другіе мусульмане по религіи имѣютъ право жить въ многоженствѣ. Богатые часто имѣютъ по нѣскольку десятковъ женъ, и онѣ составляютъ, такъ называемый, „гаремъ".

дѣтей моихъ слѣда не будетъ о женѣ и не слыхалъ никто. Отъ хозяйства даже пней не останется, и въ моемъ домѣ станетъ распоряжаться другой. Вы говорите, зачѣмъ ушелъ я? Потому что тоска меня мучила. Я всю ночь плакалъ, прежде чѣмъ бѣжать. Зналъ, что на смерть иду. Да не все ли равно теперь — жить или умереть... Если бы удалось, я бы спасъ дѣтей; не повезло — умру... Судьба! Умирать не страшно. Я каждый день видѣлъ смерть передъ собою и привыкъ ей въ лицо смотрѣть спокойно. Страшно, что они будутъ безпомощны, голодны, несчастны... Страшно, что близко вѣдь, а спасти ихъ нельзя.

И старикъ турокъ, уронивъ голову на руки, зарыдалъ передъ смущенными офицерами.

Полковникъ вскочилъ, прошелся

припоминаю теперь... Ножки у нихъ слабыя... Только рты, какъ у голыхъ птенцовъ въ гнѣздѣ, раскрыты. Кто же имъ кормъ принесетъ?.. Мать? — ей самой, гибель грозитъ. Бывало...

И онъ опять не кончилъ. Силы не было...

— Совсѣмъ какъ у насъ съ вами, Иванъ Ѳомичъ... Совсѣмъ какъ у насъ съ вами! — бѣгалъ по комнатѣ встревоженный полковникъ.

— Что же намъ дѣлать пока? Я думаю, ужъ завтра его отправимъ къ генералу?

— Да... Разумѣется, завтра...

— Сегодня онъ пускай съ нами!

— Пускай, пускай... Я велю Семену постель ему приготовить... Четверо дѣтишекъ, — вотъ и толкуй тутъ!

— А вѣдь генералъ для крат-

кости, пожалуй, разстрѣлять велитъ.

Гм!... да!... возможно... какъ наскочишь! Ему о дѣтишкахъ-то не разскажешь...

— Подлое дѣло это—война, полковникъ. Самое подлое!

— Ежели съ этой стороны... точно!... терялся тотъ.—Но... мундиръ знаете!... Опять же присяга... Дану ихъ всѣхъ къ чорту! До завтра оставимъ всякія этакія мысли!.. И безъ того сердце щемитъ... Спросите у него: пьетъ онъ вино? Вмѣстѣ ужинать сядемъ.

Плѣнный улегся вмѣстѣ съ полковникомъ и Иваномъ Ѳомичемъ въ одной комнатѣ.

Скоро все затихло. Сначала еще сквозь туманъ доносились глухіе отголоски выстрѣловъ. Турки не могли успокоиться сразу и, несмотря на то, что наша цѣпь имъ не отвѣчала, продолжали посылать къ намъ пулю за пулей; но потомъ и имъ надоѣло.

Ночь. Ивану Ѳомичу не спится...

Онъ ворочался подъ буркой, сбрасывалъ ее съ себя и снова натягивалъ, принимался въ десятый разъ читать старую газету и кидалъ ее на полъ, поглядывалъ на горбоносаго турка, прислушивался къ его

бреду, старался думать о чемъ-нибудь другомъ, но мысль постоянно возвращалась къ одному и тому же.

И когда, наконецъ, онъ сомкнулъ глаза, когда дыханіе его стало ровнѣе, мысль Ивана Ѳомича продолжала работать все надъ тѣмъ же. Ему грезились дѣти, не несчастныя брошенныя малютки этого плѣннаго, а *его* дѣти, окруженныя теперь заботливостью матери, безопасныя въ маленькомъ русскомъ городкѣ. За тысячи верстъ уносилась его мысль... Какъ будто и не было этихъ сраженій, этихъ безчисленныхъ мертвыхъ тѣлъ, этого моря несчастій... Вотъ что снилось Ивану Ѳомичу.

— Небольшая комната. Двѣ маленькія кроватки. Чистенькія занавѣски надъ ними. Изъ-за нихъ слышится ровное дыханіе. Иванъ Ѳомичъ от-

кинулъ одну. Жарко его дѣвочкѣ. Сбросила она съ себя одѣяльце, подогнула маленькія толстыя ножки и; вся раскраснѣвшись и полуоткрывъ духлый ротикъ, спитъ себѣ безъ сновъ. Утомилась шалунья. Цѣлый день бѣгала. Съ горъ каталась, всѣхъ своихъ любимыхъ куръ и пѣтуха растормошила, голубей кормила и съ братишкой кстати передралась. Ишь, подложила подъ голову кругленькую ручку. Такъ и кажется, вотъ-вотъ откроетъ глаза, зажмурится опять, а потомъ и засмѣется, увидѣвъ наклонившагося къ ней отца .. Долго: долго смотритъ онъ на нее и самъ улыбается.

— Спи, моя родная... Спи, голубка! шепчетъ онъ.—Ишь, какъ волоса завились на лбу, смокли... Жарко, должно-быть.

Другая кроватка.

Ахъ ты, малышъ!.. Двухъ лѣтъ еще не ждался, а весь въ царапкахъ ходитъ. То съ кошкой деретъся, то сестренку обижаетъ. Черезъ всю щеку слѣды отъ Марусьиныхъ когтей идутъ. Смотритъ Иванъ Ѳомичъ. Ребенокъ его не слышитъ. Толстый какой сынишка у Ивана Ѳомича! До сихъ поръ еще ручонки, ножки и шея точно ниточками перевязаны. И щеки красныя, круглыя, вокругъ носа завернулись, такъ что онъ, носъ этотъ, изъ-подъ нихъ только кругленькою шишечкою кажется... Бѣлесоватые волосики на круглой головѣ. Ишь, ямочка на локоткѣ. Поцѣловать бы? Проснется. Ну, ужъ Богъ съ тобою. Спи!..

Нянька Марковна похрапываетъ въ углу. Точно котъ мурлыкаетъ. Иванъ Ѳомичъ на цыпочкахъ идетъ

въ другую комнату. Тамъ старшій мальчикъ спитъ. Ему уже шесть лѣтъ, и онъ свысока смотритъ на сестренку и братишку. Въ отсутствіе отца онъ вмѣстѣ съ матерью въ общей постели свернулся. Круглый столикъ передъ кроватью. Жена читала что-то передъ сномъ. Вотъ его портретъ виситъ; другіе на столикѣ. Тутъ все полно имъ. Его не забыли, и Иванъ Ѳомичъ благодарно склоняется надъ спящими.

И если бы кто теперь посмотрѣлъ въ лицо спящему Ивану Ѳомичу, тотъ бы увидѣлъ, какая радостная улыбка скользитъ по губамъ худого и длиннаго мальчика, натянувшаго на себя бурку, такъ что изъ подъ нея откровенно выставляются тощія ноги. Такая радостная, что ея бы не вынесъ старый горбоносый турокъ, тутъ же рядомъ забывшійся въ

ждомъ снѣ. Этого и теперь не оставляютъ печальныя мысли. Онъ ворочается и томится...

Маіоръ проснулся, сбросилъ бурку и поднялся.

Турокъ уже проснулся и сидитъ съ полковникомъ за столомъ.

— Ну, Иванъ Осмичъ, вы ради новаго года заспались однако...

— Да... Сны разные...

— Какъ сны, развѣ и у васъ?.. — запнулся полковникъ и смѣшался.

— Что и у меня?

— Да, знаете, мнѣ Богъ знаетъ что чудилось. Никакъ не ожидалъ отъ себя такой чувствительности.

— Не по поводу ли плѣннаго?

— Именно... Представьте себѣ... Вы моего крошку, Володьку, помните?..

— Что за вопросъ... Самъ же крестилъ его у васъ.

— Ахъ ты!.. Совсѣмъ голова кругомъ... Ну, такъ представьте себѣ... Всю ночь Володька приставалъ ко мнѣ... Сплошь до утра... „Подари да подари ему этого турка“. На что тебѣ? — спрашиваю. А онъ мнѣ: „У него, говоритъ, такіе же Володьки есть. Я его отпущу къ нимъ“. Кажется, мы съ вами ничего вчера лишняго не выпили?

— Ничего! — И Иванъ Ѳомичъ пристально смотритъ на полковника...

— Э... Была не была, отправлю скорѣе этого турка, и Господь съ нимъ. Пускай генералъ рѣшаетъ, что съ нимъ дѣлать... Съ нимъ вѣдь тутъ съ ума сойдешь.

— Я бы только одного попросилъ у васъ.

— Чего это?

— Я самъ хочу поѣхать къ генералу...

— Ну?

— И отвезу этого Мехмедъ-бея.

Полковникъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ и, не глядя на маіора, проговорилъ:

— Что же, ему вѣдь лошадь надо...

— У меня есть лишняя, изъ турецкихъ, что намъ достались.

— Я ничего противъ этого не имѣю. Ничего... Тамъ сдайте генералу...—уже совсѣмъ официально закончилъ полковникъ.

IV. Иванъ Ѳомичъ проштрафился.

Медленно, въ сопровожденіи всего такого же печальнаго Мехмедъ-бея, Иванъ Ѳомичъ подъѣхалъ къ нашимъ аванпостамъ.

Вонъ, изъ тумана словно, выдви-

нулся верховой казакъ, стоявшій на посту. Двое лежали тутъ же. Привязанныя къ кому, обитому по землю, лошади мирно ѣдятъ сѣно изъ общей, брошенной имъ, охапки. Увидавъ офицера, казаки быстро вскочили на ноги.

— Что, братцы, куда этотъ ровъ ведетъ? — показалъ онъ на глубокій оврагъ, начинавшійся здѣсь.

— Къ самымъ туркамъ, ваше высокоблагородіе!

— Не видать ихъ сегодня здѣсь, во рву этомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Они ничего, смирно стоятъ... Вчера оченно безпокоили, а теперь слава Богу! Очухались!

— Даромъ-то что стрѣлять!

Иванъ Ѳомичъ пригласилъ за собою слѣдовать турка и двинулся въ ов-

разъ. Минуту спустя, его догналъ казакъ уже верхомъ.

— Чего тебѣ?

— На всякій случай, ваше высокоблагородіе! Чого бы не вышло. Турки вѣдь близко...

— Не надо, не надо...

— Опять же плѣнный съ вами. Не сбѣжалъ бы.

— Нѣтъ, не надо. Поѣзжай назадъ!

Казакъ вернулся.

Съ полчаса всадники ѣхали молча. Наконецъ, Иванъ Ѳомичъ остановился.

— Вотъ что, Мехмедъ-бей. Отсюда до вашихъ мѣстъ близко... Убирайтесь-ка вы вонъ отъ насъ, въ Адріанополь, къ своимъ дѣтямъ, слышите? У меня у самого дѣти есть... Ну, чего же вы?.. Ступай, ступай, да поскорѣй! Ждать некогда... А то вѣдь пожалуй, раздумаю.

Турокъ словно опѣшилъ. Только глазами моргаетъ, очевидно, ничего не понимая.

— Говорю тебѣ, узнавайтъ своимъ. Слышишь?

Мехмедъ-бей живо вспомнилъ, какъ Иванъ Ѳоминъ успѣлъ спомниться, поклонился и поцѣловалъ у него руку...

— Послушай, русскій, заплатить тебѣ за это я нинѣмъ не могу. А желать тебѣ, чтобы ты попалъ въ такое же положеніе и съ такимъ же, какъ ты, добрымъ изъ нашихъ встрѣтился, — не смѣю... Помни одно: Богъ одинъ. Вѣры разныя, а Богъ одинъ. Ну, такъ я и мои дѣти пока живы, будемъ помнить, какъ ты обошелся со мной по-божьи. Прощай, русскій. Прощай!

И точно боясь, что Иванъ Ѳоминъ

раздумывать, Мехмедъ-бей живо ударилъ лошадь и скрылся впереди.

— Подождать нѣсколько минутъ, маіоръ повернулъ назадъ...

Вонъ ужъ нашъ авангардъ видно. Тотъ же казакъ выѣхалъ ему на встрѣчу.

— Да вѣдь ты правъ былъ... Турокъ-то бѣжалъ отъ насъ.

Станичникъ пристально взглянулъ въ лицо маіора.

— Что жъ, пущай его... И безъ того плѣнныхъ дѣвать некуда!

Полковникъ въ крайнемъ волненіи ходилъ изъ угла въ уголъ, когда вернулся къ нему Иванъ Ѳомичъ.

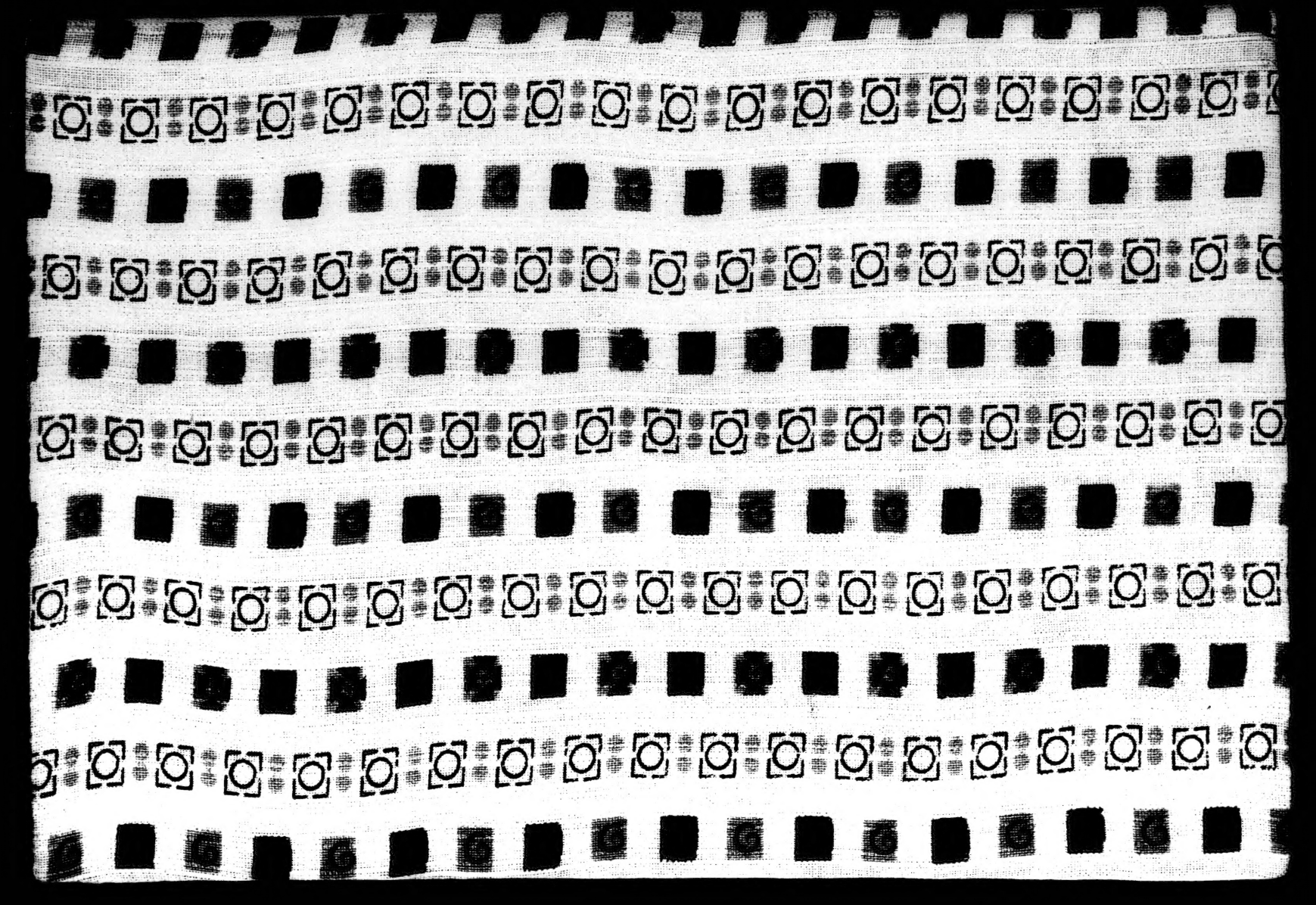
— Ну...

— Арестуйте меня... Я упустилъ плѣннаго...

Полковникъ подскочилъ къ нему, порывисто обнялъ и поцѣловалъ его.

— Вотъ онъ и подарокъ Володь-

[redacted]

W381.5917N-G195s

W117277